

испытать это на себѣ не могъ, конечно, тотъ, кто не приступать еще къ дѣятельности, а только задумался надъ тѣмъ, какой опредѣленный родъ занятій ему выбрать),—мы можемъ только вѣрить этому. Высшая идея, требующая отъ насъ труда, цѣль котораго въ томъ, чтобы „уменьшить массу человѣческихъ страданій и увеличить массу человѣческихъ наслажденій“, есть плодъ опыта, плодъ жизни многихъ поколѣній, и только сныть могъ привести къ заключенію, что исполненіе этого требованія высшей идеи въ результатѣ совпадаетъ съ разсчетливымъ эгоизмомъ; менѣдѣмъ же людямъ, только еще остановившимся изъ распуты, только еще размышляющимъ о томъ, какой родъ занятій, какую дѣятельность выбрать, эта идея можетъ быть виновна только другими, и, дѣйствуя согласно этой идеѣ, они будутъ идеалистами, а не реалистами; собственная же эгоистическая ихъ наклонность, собственная сущность влекутъ ихъ къ тому, чтобы не страдать самимъ, чтобы удовлетворить собственные желанія, увеличить массу собственныхъ удовольствій, наслажденій, и если отъ всего этого они отказываются ради идеи, какіе же они реалисты? И мыслящій реалистъ развѣ не туть же идеалистъ?! Дѣло, впрочемъ, не въ словахъ, а въ томъ требованіи, которое заключается въ себѣ идея, указываемая намъ какъ руководство.

„Вполнѣ послѣдовательное стремление къ пользѣ называется реализмомъ“,—говорить Писаревъ. „Реалистъ“, продолжаетъ онъ, „постоянно стремится къ пользѣ и постоянно отрицасть въ себѣ и другихъ такую дѣятельность, которая не дастъ полезныхъ результатовъ“; польза же заключается единственно въ томъ, чтобы „уменьшить массу человѣческихъ страданій и увеличить массу человѣческихъ наслажденій“. Высшая идея и требуетъ работы сть всѣхъ для достижения этой цѣли, убѣждая, что „вполнѣ разсчетливый эгоизмъ совершенно совпадаетъ съ результатами самого сознательного человѣколюбія“; то есть, другими словами, только стремясь къ общему благополучію, мы достигнемъ и собственнаю, только заботясь объ уменьшеніи человѣческихъ страданій вообще и объ увеличеніи наслажденій всѣхъ, мы приDEMЪ какъ къ уменьшенію собственныхъ страданій, такъ и къ увеличенію собственныхъ наслажденій. Но, не говоря уже о томъ, что придти къ такому убѣжденію на порогѣ жизни невозможно, какъ согласить это убѣжденіе съ дѣятельностью Рахметова, котораго самъ Писаревъ выставляетъ образцемъ и который отказывается самъ, для себя, отъ того, что желаетъ доставить другимъ и въ чёмъ видитъ, слѣдовательно, благополучіе, какъ согласить съ такимъ убѣжденіемъ совершенно противопожное ему убѣжденіе большинства, основанное, очевидно, на опыте и выразившееся хотя бы въ извѣстной пословицѣ—„своя рубашка ближе къ тѣлу“, или же въ вопросѣ, заданномъ столь прославленнымъ самимъ Писаревымъ въ XVI-й главѣ статьи „Реалисты“ Гейне,—„почему страдаютъ добрые люди и благоденствуютъ злы“,—въ вопросѣ, названномъ Гейне проклятымъ?—Дѣло заключается въ томъ, что Писаревъ чувствуетъ невозможность удовлетвориться заботою лишь о себѣ и даже заботою только о болѣе близкихъ намъ, а въ то же время, потерявъ вѣру, онъ не знаетъ дѣла, которое было-бы дѣйствительно полезно всѣмъ, которое вело-бы къ общечеловѣческой солидарности. Полнота добрыхъ чувствъ и без силіе незнанія вотъ что застан-